

ДЕРБЕНТСКОЕ ВЛАДЕНИЕ В ПЕРИОД АНТИИРАНСКИХ ВОССТАНИЙ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Н.А. Магомедов
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала
(sharqfutdin@yandex.ru)

Аннотация: В статье рассматривается политическое положение Дербента в первой половине XVIII в., когда на Восточном Кавказе были сильны антииранские настроения. Показана позиция правителей и жителей города и его округа в период антииранских восстаний.

Annotation: In article political position of Derbent in the first half of the XVIII century when in East Caucasus the anti-Iranian moods were strong is considered. The position of governors and residents and its district during the anti-Iranian revolts is shown.

Ключевые слова: Дербент, Дербентское владение, Хаджи-Давуд, антииранские восстания, позиция дербентцев.

Keywords: Derbent, Derbent possession, Hagi-Dawood, anti-Iranian revolts, position of residents of Derbent.

На политическое положение Дербентского ханства в первой половине XVIII в. сильнейшее влияние оказывали события, происходившие не только в самом ханстве, но и в соседних с ним областях Дагестана, Азербайджана и Ирана. Оно зависело также от политики России и Турции по отношению к Кавказу и Дагестану, в частности.

До начала 20-х гг. XVIII в. политическое положение Дербентского ханства определялось влиянием на него событий, связанных с экономическим и политическим упадком Сефевидской державы, с начавшейся против ее диктата борьбой народов Закавказья, особенно, жителей Ширвана и Южного Дагестана, в которую были втянуты и другие горцы Дагестана. В эту борьбу были втянуты и жители Дербентского ханства, испытывавшие гнет сефевидских наместников, обосновавшихся в Дербенте и на местах. В создавшихся условиях правители Дербента не могли проявлять самостоятельность во внешней политике, и вынуждены были следовать указаниям шахского двора.

Начало 20-х гг. XVIII в. еще более осложнило политическое положение Дербентского ханства, которое в результате «персидского» или «восточного» похода Петра I в Прикаспий в 1722 г. было захвачено царскими войсками вплоть до их премещения на правый берег Терека в 1735 г. Естественно, и в этой ситуации не могло быть и речи о самостоятельной внешней политике дербентских правителей.

Еще более тяжелая ситуация сложилась в Дербентском ханстве и, собственно самом Дербенте в период завоевательных походов Надир-шаха с целью покорения Дагестана в целом. Этот период охватывал 30-40-е гг. XVIII в. и характеризовался открытым диктатом Надир-шаха и его наместников в Дербенте по всем вопросам внешней и внутренней политики. Через Дербент перемещались полчища иранских завоевателей, направленных Надир-шахом на покорение народов Дагестана, через него же, ограбив и опустошив аулы, остатки этих полчищ уходили обратно.

Первая треть XVIII в. характеризуется в истории сефевидской державы глубоким экономическим кризисом и резким обострением классовых противоречий. Упадок земледелия, ремесла и внешней торговли, сокращение поступлений в виде военной добычи – все это вызывало уменьшение доходов государственной казны и феодальной знати. И верно отмечено М.С. Ивановым, что «одним из наиболее важных факторов, обусловивших разложение и упадок сефевидского государства, была чрезмерная, чем дальше, тем больше возрастающая феодальная эксплуатация крестьянства и трудового населения городов, которая не только сопровождалась ростом производительных сил, но и приводила к подрыву сельского хозяйства и ремесла» (Иванов М.С., 1952. С. 78).

Прочность сефевидского государства подрывали также междоусобная борьба феодальных группировок, коррупция, разложение шахского двора, изменение торговых путей в результате освоения морского пути вокруг Африки, уменьшавшего значение сухопутного пути через Иран. В связи с общим упадком снижалось и влияние сефевидской державы на народы Восточного Кавказа, которые все еще находились под ее властью, ощущали рост податного бремени сефевидов, старавшихся увеличением налогов предотвратить свое падение. На захваченных Ираном территориях, подушная подать была увеличена втрое. Были введены новые подати: ихражат-и шахзадэ – сбор на содержание шахских сыновей, «шеш динар» сбор динаров в шесть динаров и др. (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 121). Налогом облагались не только крестьяне, но и ремесленники и купцы. При взимании налогов принимались в расчет размеры земель, количество воды, сады, пастбища, стада, табуны разных животных и все то, что необходимо человеку (*Тамай А.*, 1957. С. 79).

В условиях крайнего разорения народных масс шахом издавались фирманы (указы), обязывающие население сообщать властям о скрывающихся налогоплательщиках, грозя смертной казнью в случае укрывательства и т.д. Один из шахских указов гласил: «Если кто найдет укрывающегося и спрятавшегося (налогоплательщика) и сообщит о нем шаху, то голову укрывающегося – шаху, а имущество станет добычей того лица, которое донесло о нем» (*Тамай А.*, 1957. С. 80).

Кроме того, наместники сефевидов – беглербеи и другие лица иранской администрации – при сборе налогов произвольно увеличивали их в 2 – 3 раза. «Доходов государственных, как сказывают, с Шемахи и со всей провинции Ширванской, с прилегающих городов и деревень к Шемахе, – свидетельствует А.Волынский, – собирается ... по 80000 рублей персидскою монетою. Однако ж, сверх сего оклада управители обыкновенно вдвое или втрое каждый год собирают и по своим карманам делят» (Цит. по: *Зевакин Е.*, 1926. С. 12). Всю тяжесть иранского гнета испытывало на себе и население Дербента, Дербентского ханства и других мест Южного Дагестана. В Дербенте, – писал Гербер, – всегда «имелись султаны или губернаторы, также наипы. Султаны всегда присылались от шаха их Испогани и великую власть имели над всеми к Дербенту надлежащими уездами» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 85).

Гербер указывал также, что «городу Дербенту еще следующие уезды подчинены: Мушкур, Низават, Шавран, Рустау и Бермяк, и доходы из оных собирал султан дербентской ... понеже он, султан, сам из сих доходов великое жалованье имел и, кроме жалованья от шаха, уволен был 5000 тумен, или 50000 рублями, ежегодно, употреблял в подарки, когоч по всей воле жаловать хотел... В близости Дербента, лежащие два уезда, Табасаран и Куба, повинны были оному султану послушны быть и по его приказу воинскую службу отправлять» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 86). Наместники шаха в Дербенте неоднократно делали попытки подчинить своей власти и союзы сельских общин Самурской долины. «Султаны дербенские, – сообщает И.Гербер, – их яко поданными к Персии почесть хотели и к тому принуждать трудились и для того часто великая команда из Дербента посылалась, чтобы их силою под владение привести» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 77). Такие произвол и насилие со стороны шахских и местных властей не могли не вызвать возникновение в первой половине XVIII в. в Азербайджане и Южном Дагестане сильного антииранского движения. Крестьянские массы не только уклонялись от уплаты крайне обременительных налогов, но и не раз подымались в защиту своих прав (*Левиатов В.*, 1948. С. 78).

В районах приморского и Южного Дагестана сефевидами строились крепости и укрепления, являющиеся их опорными пунктами. Они вызывали особую тревогу у населения Дагестана, так как могли быть в любое время использованы для новых вторжений в Дагестан, во внутренние дела которого шахи вмешивались в это время, утверждая феодалов во владельческих правах, выдавая им фирманы на земельные угодия и т.д. В частности, в 1711 г. шах Гусейн утвердил Ахмед-хана уцмием, которому «было дано ... кроме доходов с Кайтагского владения, увеличение жалованья со ста туманов до двухсот туманов» (Цит. по: *Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 122). И. Гербер писал, что, кроме доходов, взимаемых с жителей Кайтага, «получал усмей прежде сего от шаха ко оным доходам еще в прибавок каждой год по 2000 рублей, напротив того он повинен со своими поданными воинскую службу по требованию отправлять» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 83). Такую же политику проявляли шахи Ирана и по отношению к шамхалу. Каждый год шамхал получал от шаха 4000 туманов. «Он повинен был за которые деньги несколько войска содержать» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 71). В лице уцмия шах видел еще и своего сторонника.

Сефевидский Иран в начале XVIII в. представлял угрозу для политической независимости народов Дагестана. Кроме того, горцы Дагестана, являющиеся суннитами, подвергались и религиозным гонениям со стороны шиитов, что вызывало так же недовольство народных масс.

В самом начале изучаемого периода народное негодование выражалось, главным образом, в форме побегов крестьян в отдаленные места, в формировании отрядов, совершавших нападения на отдельные феодальные поместья и купеческие караваны (*Левиатов В.*, 1948. С. 66–68).

Одно из первых крупных антииранских восстаний произошло в 1707 г. в Джаро-Белооканских вольных обществах, к которым присоединились цахуры. Выступление жителей вызвало в Иране большую тревогу. Против повстанцев шах направил своего наместника в Кахетии Имамкули-хана. При подавлении восстания было сожжено с. Джар (*Магомедов Р.М.*, 1961. С. 182). Джарцы восстали не из-за тяжести налогов, они сами получали от шахов жалованье за их сторожевую службу на окраине государства, а вернее за то, что воздерживались от набегов на подвластные Ирану провинции и находились в подданстве у шаха. Однако, из-за неурядиц в Иране и злоупотреблений ширванских беглербеков джарцам несколько лет подряд не платили полагающееся им жалованье. «Шемахинцы пребывали еще в смятении, – писал посланник из Ирана князю П.М. Гагарину, – с персиянами и у них многие за несколько деревни поджигали и пограбили» (Цит. по: *Эзов Г.А.*, 1898. С. 25).

В 1709 г. произошло вооруженное столкновение между войсками ширванского беглярбега и повстанческими отрядами, в результате чего повстанцы потерпели поражение. Их предводители, оставив на поле битвы много убитых и раненых, удалились на юг (*Эзов Г.А.*, 1898. С. 25).

Надо отметить то, что в восстание включилась и часть феодалов, и местного мусульманского духовенства, используя разногласия шиитов и суннитов для укрепления своей власти, приумножения богатства, расширения границ своих владений, что отмечал в свое время А. Неверовский, писавший: «Владельцы воспользовались этими волнениями, чтобы совершенно отложиться, а предприимчивым людям было открыто свободное поприще для приобретения новой власти, новых владений» (*Неверовский А.*, 1848). В 1710 г. начались волнения в Кайтаге. Кайтагцы выступали против феодального угнетения и колониальной политики сефевидов по отношению к ним. К восставшим примкнул и уцмий кайтагский Ахмед-хан. Став во главе восставших, он придал восстанию исключительно антииранский характер.

В 1711 г. восстания против иранских властей снова начались в Джаро-Белооканских обществах, а также среди лакцев и южнодагестанцев. К восставшим примкнуло население Шеки и Ширвана. Во главе повстанцев стоял уроженец сс. Дедели Мюшкюрского уезда Хаджи-Дауд. Он был простого происхождения, но обучился грамоте. Совершив паломничество в Мекку, он стал называться Хаджи Дауд и сумел выдвинуться в духовные руководители мюшкюрского суннитского медресе. Хаджи-Дауда поддержал уцмий Кайтага, который отправил к нему отряд под предводительством Муртузали. В 1711 г. повстанцы, во главе с Хаджи-Даудом и Муртузали взяли Шабран, затем Дербент и Худат, где убили кубинского хана Султан-Ахмед-хана ..., истребили его сторонников и членов его семьи. В это время повстанцы Джара, Тала и Цахура разбили в Нухинском уезде шахские войска, возглавляемые правители Ширвана Гусейн-Алиханом. Вскоре после взятия повстанцами Худата в Кубинское ханство прибыл уцмий Кайтага со своим войском, акушинцами и другими горцами, которых привлек на свою сторону посредством подарков (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 125). Туда же прибыл и правитель Казикумуха Сурхай-хан с многочисленным ополчением.

Объединенные отряды совершали нападения на иранские гарнизоны, укрепленные пункты и т.д. Осенью 1711 г. Хаджи-Дауд, Сурхай-хан и Ахмед-хан осадили административный центр Северного Азербайджана – Шемаху. Встретив сильное сопротивление, они вынуждены были снять осаду, хотя и не оставили намерений захватить Шемаху. Дипломатический курьер Российского государства, проезжая через Ширван, писал, что «около Шемахи многие учинили мятежи, грабежи и для того опасаясь я через Шемаху поехать, принужден назад возвратиться». Шах Ирана обратился к шамхалу Адиль-Гирею с просьбой предотвратить намечаемое выступление горцев. Шамхал предложил уцмию Ахмед-хану не принимать участия в подготавливаемом выступлении. Он даже пригрозил уцмию, заявив, что, если уцмий из Кайтага выступит в поход, завладеть его владениями и не дать ему вернуться туда (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 126).

В силу этого Ахмед-хан вынужден был остаться в Кайтаге, отправив на соединение с повстанцами вооруженный отряд под командованием своего сына.

Вопрос о походе горцев в Шемаху 1712 г. рассматривается по-разному. Одни авторы считают, что Шемаха была захвачена повстанцами в 1712 и 1721 г. (*Бутков П.Г.*, 1869; *Левиатов В.*, 1948; *Тамай А.*, 1957; *Гаджиев В.Г.*, 1963). Другие утверждают, что Шемаха была захвачена повстанцами под руководством Хаджи Давуда, лишь в 1721 г. (*Абдуллаев Г.Б.*, 1965.). На наш взгляд, поход был совершен против Шемахи и в 1712 и в 1721 гг. Интересно мнение П.Г. Буткова: «Сурхай и Давуд-бег взбунтовались против шаха, вместе производили грабежи и в 1712 г., соединенные с лезгами и другими разных наций мятежными людьми, причинили великое опустошение городу Шемаха, отправлявшему знатную торговлю с азиатами и европейцами превосходным своим шелком и другими вещами. Сурхай и Гаджи Давуд со всеми своими и частью войска Ахмед-хана, пошли на Шемаху и с помощью тамошних суннитов после 15-ти дневной осады, в 1124 (1712 г.) взяли ее и совершенно ограбили шиитов» (*Бутков П.Г.*, 1869. С. 3).

Р.М. Магомедов также утверждает, что в 1712 г. восставшие во главе с Чолак-Сурхаем и Хаджи-Даудом осадили Шемаху и после 15-дневной осады взяли ее. Шахский беглербек Гусейн-хан и его приближенные были убиты. Город подвергся грабежу, от чего пострадали не только иранцы, жившие в Шемахе, но и русские купцы, у которых разграбили товары на сумму около четырех миллионов рублей серебром (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 318). В.Г.Гаджиев так же считал, что весной 1712 г. объединенные отряды горцев во главе с Хаджи-Даудом, Сурхай-ханом и Хаспулатом напали на Шемаху и штурмом овладели ею (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 126).

В Шемахе Хаджи-Дауд и Сурхай-хан оставались недолго из-за отсутствия у них единого плана действий, а также из-за противоречий в лагере горцев, существовавших с самого начала их борьбы (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 126).

Жители Ахты-пары помогали Дауд-беку и Сурхай-хану, при этом «они добычею себя не забывали и богателись, и куда приходили себя добычего не забывали и богателись, с обывателями немилосердно поступали» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 78). По словам того же автора «куралинцы, дагестанцы, лезгины и прочие из гор пристали к Дауд-беку и Сурхаю, потом пошли оные к Шемахе ... силою ворвались, хана и всех людей высоких побили, так же и других обитателей, город ограбили ... Хаджи-Дауд сиделище свое взял в Шемахе и оный город, как и всю провинцию, с Сурхаем разделил» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 78). В дальнейшем повстанцы напали на Акташ, Шабран, Низабанд, угрожали вновь Шемахе и Дербенту. Действия «лезгинских отрядов», сопровождаемые грабежом и разорением не связанного с иранской администрацией населения, были одной из главных причин отхода народных масс от движения и его ослабления. В 1719 г. шахские войска, воспользовавшись уходом основных сил восставших дагестанцев к себе в горы, захватили Хаджи-Давуда и заключили его в Дербентскую крепость. Но Хаджи-Давуду удалось бежать, и он стал готовить новое выступление против Ирана.

Первым из городов, к которому подступили и отряды повстанцев, был Шабран – один из главных центров Ширвана. Находившийся в городе малочисленный гарнизон иранских войск не смог оказать сопротивление численно превосходящим отрядам повстанцев, ворвавшимся в город в июне 1720 г. Далее Хаджи-Давуд и Сурхай-хан повели свои отряды на север, намереваясь захватить Кубу и Дербент с округами. Дербентом в то время правил бывший наиб города Имам Кули бек, так как султан дербентский, предвидя грядущее, во время мятежа в Ширване в 1720 г. «побег свой взял в Персию к шаху» (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 126).

Хаджи-Давуду не удалось овладеть хорошо укрепленной Дербентской крепостью. Неудача в Дербенте убедила Хаджи-Давуда, что для достижения своей цели надо найти силы, которые можно было бы использовать для борьбы против Ирана. И он решил обратиться за помощью к Российскому государству. В одном письме Хаджи-Давуда астраханскому воеводе И.В. Кикину от 22 апреля 1721 г. говорилось: «... Преж сего от кызылбаш многие обиды были и покою нам от них не стало для того, что они сделали обиду через силу и за то стали мы с ними, кызылбаш, в неприязнестве и за свою кровь им отомстим, и Дербень, и Шемаху, Баку осадили, а я ныне для дружелюбия просветлейшему и державшему великому государю под руку иттить так же, и юрты свои отдать и ему государю верно служить готов, а ныне присланному от вас в одном судне чепаром мы сказали и по своей вере единым богом, и по курану, и по шарияту и по муртузалиевой голове, чтоб приезжали к нам торговые люди, а мы и волосам и не тронем, а я ныне чаю, что у нас будет все под моею рукою и что они, торговые люди, ни в чем не опасались ...» (*Гаджиев В.Г.*, 1963. С. 129). В другом письме тому же И.В. Кикину Хаджи-Дауд писал: «Ныне я хочу с вашею милостию дружелюбия иметь и соседство и доноси мои слова великому государю, чтоб по своему указу велел своим торговым людям свинцу и железа и прочее, что нам надобно, провозить, а мы

сторонним людям продавать не будем и всем закажем, а от нас буде понадобитца шолк и иное что, то окроме государевых людей продавать не будем и будем заказывать, и ныне у нас шолк поспеет в скорых числах» (Русско-дагестанские отношения в XVII – нач. XVIII вв.), 1958. С. 240–241). В письме представителям России Хаджи-Давуд заявил, что он ведет войну «не для властолюбия и богатства и не для чего иного, кроме того, что освободить суннитов от кызылбаш» (Русско-дагестанские отношения в XVII – нач. XVIII вв.), 1958. С. 241). Тем временем бывший посланник, недавно назначенный губернатором Астраханской области А.П. Вольнский по поручению правительства обратился с письмом к Хаджи Давуду, в котором спрашивал его, имеет ли он желание стать подданным Русского государства?

Разобравшись во всех делах Хаджи-Дауда, А.П. Вольнский писал Петру I: «кажется мне, Дауд-бек ни к чему не потребен: посылал я к нему отсюда поручика, через которого ответствует ко мне, что, конечно, желает служить в.в., однакож, чтобы вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он, конечно, отберет города от персиян, и которые ему удобны, те себе оставит (а именно Дербент и Шемаху), а также уступит в.в., как по той стороне куры реку до самой Испогани, чего в руках никогда не будет, и тако хочет, чтоб ваших был труд, а его польза» (Гаджиев В.Г., 1963. С. 129).

Несмотря на неудачные попытки заручиться поддержкой России, Хаджи Давуд продолжал готовиться к штурму Шемахи, склонив на свою сторону Сурхай-хана Казикумухского. Это произошло в 1721 г., когда афганцы, поднявшие восстание в Кандагаре, предприняли свой поход, положивший конец правлению сефевидской династии. Перед лицом страшной опасности шах Султан Гусейн обратился к вассальным владельцам Дагестана с просьбой о военной помощи. Лишь шамхал Тарковский Адиль-Герей сделал безуспешную попытку послать войско в Иран. Собранное шамхалом войско, выступившее в помощь шаху под предводительством Сурхай-хана, Гаджи Давуд сумел склонить на свою сторону. Сурхай-хан согласился присоединиться к Гаджи-Давуду. Хаджи Давуда борьба с иранскими властями придавал сугубо антииранский характер (Голиков И., 1839. С. 52).

Антисефевидская пропаганда Хаджи-Давуда собрала толпу недовольных людей. Вскоре к нему присоединилась часть жителей Рустау. По этому поводу у Гербера сказано: «Во время ребеллии и конфузии рустауские деревни между собой разделились и те, близ Дагестани лежащие, соединились с нижними дагестанцами, а другие к бунтовщикам пристали и Дауд-беку поддались» (Гербер И.-Г., 1958. С. 95).

Осенью того же 1721 года астраханскому губернатору через кабардинских князей стало известно, что «Давуд-бек и Сурхай послали к турецкому султану через крымского хана, чтобы он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи» (Бутков П.Г., 1869. С. 8).

В борьбу с иранскими властями, кроме дагестанцев, во главе с Хаджи-Давудом и Сурхай-ханом, были втянуты и куткашенский мелик Махмуд, его брат Ахмед и их сыновья. Действия этих феодалов вызвали подозрение у ширванского беглярбея, который донес иранскому правительству об их неблагонадежности. В наказание шах приказал отобрать у этих Меликов все имущество, стоимостью более ста тысяч туманов (Абдурахманов А., 1964. С. 73). Сыновьям Меликовых удалось бежать из контролируемых шахской администрацией мест и примкнуть к повстанцам.

Хаджи-Давуд еще больше усилил антииранскую деятельность, рассылал в разные общества Дагестана письма с призывом подняться против сефевидов, организовал отряды, уговаривал феодальных владельцев Дагестана выступить против Ирана. Исследователями отмечено, что большие людские резервы, на которые в своих внешних предприятиях старались опираться дагестанские князья, были в горных вольных общинах (Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К., 1996. С. 62). Население этих обществ играло активную роль и в указанном движении готово поддержать крестьянство предгорий, страдавшее под властью иранских феодалов.

Ориентации вождей этого движения Хаджи-Дауда и Сурхай-хана заслуживает внимания и вопрос внешнеполитический, которая явно носила протурецкий характер и, «была обусловлена классовыми и национально-религиозными интересами феодалов-суннитов» (Лысцов В.П., 1956. С. 106). Каждый из них старался стать не только ханом Ширвана, но и сохранить старые формы феодальной эксплуатации и сделать суннизм господствующим вероисповеданием. В силу этого суннитская Турция, несомненно, больше импонировала руководителям движения, чем Россия.

Султанская Турция, которая издавна боролась с Ираном за овладение Кавказом, пользуясь ослаблением последнего, с самого начала XVIII в. делала все, чтобы свести на нет его внимание в Закавказье и не допустить усиления позиций России на Кавказе, чтобы окончательно прибрать его

к своим рукам. Важное значение при этом, естественно, придавалось и Дербенту, и Дербентскому ханству в целом.

Собрав огромную массу людей различного достатка и социального положения, Хаджи-Давуд в союзе с Сурхай-ханом Казикумухским нанесли удар по Шемахе. Захват Шемахи повстанцами в 1721 г. назван был «шемахинский трагедией». Ход «трагедии» был следующий: Первоначально к городу подступил небольшой отряд в составе 1000 человек. Против них был направлен шахом муганский Мухаммед-хан с войском в три тысячи человек. Однако повстанческий отряд сбил их и гнал до самого города. Но повстанцы не вошли в город, опасаясь, что сил у них меньше, чем у неприятеля. Они вынуждены были с потерями вернуться к Хаджи-Давуду, приближающемуся с огромным войском к Шемахе.

На следующее утро повстанцы сделали попытку ворваться в город. Однако их попытка вновь была неудачной. Гусейн-хан не без помощи части городского населения отбил атаку, но не рискнул оставаться больше в городе. «10 августа 1170 (1721 г.) все эти племена лезгин вместе со своими главарями – выше упомянутым Сурхаем, Шамхалом, Исмином (усмием), Хаджи-Давудом и Али-Султаном всем своим могуществом подошли к городу Шемахе, вели в течение восьми дней ожесточенные сражения, но взять его не смогли». Шемаха была взята «во время поста богородицы в среду 1170 года армянского», т.е. в августе 1721 г. Победители ворвались в город и в первый день проложили «себе дорогу в суннитский квартал, где они окопались» (*Левиатов В.*, 1948. С. 71). Рано утром на следующий день они намеривались закончить захват города. Губернатор недолго сопротивлялся и сдался. Беглербек Шемахи Хусейн-хан и его военачальники, а также около 800 человек городской знати, как люди шаха, были убиты (*История Дагестана*, 2004. С. 343–344). А.Волынский писал: «После взятия города стали зажигать и грабить дома знатных. Между тем хана взяли в полон, а знатных порубили, купцы, которые ... были оные обнадеживаемы, что их грабить не будут, но потом к вечеру и к ним в гостиный двор напали ... иных побили, а товары все разграбили, которых было около 500000 (в том числе у одного М. Евреинова на 170000 руб. персидской монетою)» (*Левиатов В.*, 1948. С. 73).

Весть о взятии Шемахи облетела все Сефевидское государство. Однако шах в создавшейся обстановке все более усиливающихся антисефевидских народных выступлений, хозяйственного упадка и роста феодального сепаратизма не смог предпринять против действия Хаджи-Давуда каких-либо мер. В. Левиатов в «Очерках истории Азербайджана в XVIII веке», пишет, что после того, «... как восставшие взяли Шемаху, начальники Ганджи и Еревана известили об этом шаха и просили у него помощи. Но шах не мог оказать помощи: он сам в ней нуждался, будучи доведен до крайности все разраставшимися успехами восстания афганцев» (*Левиатов В.*, 1948. С. 71). Напуганный успехами Хаджи -Давуда ереванский хан осенью 1721 г. двинул свои войска в сторону Ширвана. Узнав об этом, Хаджи-Давуд и его союзники из Дагестана двинули свои войска через Куру и вступили в бой, который принес им успех. Шахская армия была обращена в бегство; часть ее бежала в Ереван, часть – в Ганджу, преследуемые повстанцами до самого подножья Карабахских гор (*Бакиханов А.-К.А.*, 1991. С. 103).

Осажденный афганскими войсками в Исфагане шах Султан-Гусейн требовал помощи от грузинского царя Вахтанга, но последний сам строил план достижения независимости от Ирана. Шах думал спасти свой трон с помощью Грузии, то приказывая Вахтангу идти к нему на помощь, то умолял его о помощи и задабривал подарками. На самом же деле Вахтанг VI, хотел, соединившись с ополченцами армянских Меликов, отправиться к Шемахе и ждать прихода русских войск.

Укрепление позиций Хаджи-Давуда в Ширване вызвало тревогу и озабоченность правящих кругов России. Будучи уверен, что в случае столкновения с Россией он не устоит, Хаджи-Давуд решил обратиться за поддержкой к Турции, враждовавшей тогда с Россией и Ираном и с ее помощью отстоять свою власть над Шемахой и т.д. Хаджи-Дауд и Сурхай-хан обратились к турецкому султану в 1721 г. «через крымского хана, чтоб он их принял под свою протекцию и прислал свои войска для охранения Шемахи» (*Левиатов В.*, 1948. С. 74).

Турецкий султан с большой охотой откликнулся на просьбу Хаджи-Давуда и пригласил его для переговоров в Стамбул. Во время переговоров Хаджи-Давуд просил у султана военную поддержку, обещая признать вассальную зависимость от Турции, но оставляя за собой право на внутреннюю автономию.

Русское правительство предписало своему послу в Константинополе, воспрепятствовать приему Хаджи-Давуда и Сурхай-хана в турецкое подданство. «Мы знаем, – говорил визирь русскому послу Неплюеву, – что эти бунтовщики немалую сделали обиду русским купцам: потому

то мы их защищать не будем, пока ваш государь не получил полного удовлетворения» (Бакиханов А.-К.А., 1991. С. 103). Однако Турция, дав обещание из боязни вызвать недовольство России и Ирана, на деле не переставала вести антироссийскую деятельность на Кавказе.

По возвращении из Турции Хаджи-Давуду удалось фактически отстранить от руководства Сурхай-хана, и самому стать правителем Ширвана, признавшего вассальную зависимость от Турции.

Турция, принимая Хаджи-Давуда под покровительство, стремилась реализовать свои захватнические планы в отношении Дагестана и выйти к берегам Каспийского моря, оккупировать Дербент.

Все это в корне противоречило планам Российского государства и заставило русское правительство действовать более решительно, работать на опережение.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев Г.Б.* Азербайджан во взаимоотношениях с Россией. Баку, 1965. 621 с.
- Абдурахманов А.* Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку, 1964. 207 с.
- Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К.* Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII – пер. пол. XVIII в. // Освободительная борьба народов Дагестана. Махачкала, 1996. С. 60–71.
- Алкадари Г.-Э.* Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994. 173 с.
- Бакиханов А.-К.А.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. 305 с.
- Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. 548 с.
- Гаджиев В.Г.* Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // Ученые записки Института ИЯЛ РФ АН СССР. Т. XI. Махачкала, 1963. С. 66–95.
- Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. 1958. С. 60–20.
- Голиков И.* Деяния Петра Великого. Т. VIII. Изд. 2-е М., 1839. 268 с.
- Зевакин Е.* Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1926. 30 с.
- Иванов М.С.* Очерки истории Ирана. М., 1952. 456 с.
- История Дагестана. Т. 1. Махачкала, 2004. 627 с.
- Левиатов В.* Очерки истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. 227 с.
- Лысцов В.П.* Персидский поход Петра I 1722 – 1723 гг. М., 1956. 247 с.
- Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1961. 292 с.
- Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. 408 с.
- Неверовский А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. 64 с.
- Русско-дагестанские отношения в XVII – нач. XVIII вв. Махачкала, 1958. 336 с.
- Тамай А.* Восстание 1711–1722 гг. в Азербайджане // Ученые записки Института ИЯЛ РФ АН СССР. Т. III. Махачкала, 1957. С. 78–85.
- Эзов Г.А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. 23–28.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ИАЭ. 2013. № 1. С. 36–46.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДАГЕСТАНСКОГО СЕЛА В 60–70-е ГОДЫ XX ВЕКА

Г.А. Искендеров,
М.Э. Искендеров
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

Аннотация: В статье анализируются закономерности социально-демографического развития дагестанского села, взаимодействия динамики населения с развитием экономики и социальной

инфраструктуры. Показана роль государственной социальной политики в становлении структуры сельского общества. В статье говорится о трудностях разрешения ряда социальных проблем села в исследуемые годы.

Annotation: In the article there are analyzed regularities of social-demographical development of the Dagestan country, interaction of population dynamics with the development of economy and social structure. There is shown a role of the state social policy in becoming of a structure of country society. It is said in the article about difficulties in decision of a number of social problems of a country in researching period.

Ключевые слова: социальная политика, структура общества, тенденции развития, сельское хозяйство, экономика, культура, специфика, трудовые ресурсы, колхоз, совхоз, оплата труда, подсобные хозяйства, семейный бюджет, клубы, библиотеки.

Key words: social policy, social structure, development tendencies, agriculture, economy, culture, specificity, manpower, collective farm, soviet farm, salary, subsidiary farms, family budget, clubs, libraries.

Проблемы социальных преобразований относятся в первую очередь к вопросам взаимодействия общества и власти и, наоборот, власти и общества. Они могут рассматриваться с разных позиций: политических, институциональных и др., которые давно разрабатываются в исторической литературе (Россия в XX веке. 2002. С. 103).

Социальная история в нашем исследовании понимается прежде всего как история сельского общества, общественной жизни дагестанского села – экономика, организация аграрного производства, государственной власти и управления, жизнедеятельности, культуры и быта сельского населения.

Исследование процесса социально-экономического и социально-культурного развития дагестанского села, преодоления различий между городом и селом требует объединения усилий экономистов, социологов, историков и других специалистов. Важной составной частью этого процесса является изменение социальных отношений. Оно отражает все основные направления сближения села и города.

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС положил начало новому этапу в развитии производительных сил села и выработал долговременную политическую линию на всесторонний подъем сельского хозяйства, преобразование экономической и социальной жизни села. При этом Пленум исходил из того, что гармоничность развития общества в послевоенные годы усиливает значение разработки социальной политики, являющейся необходимым компонентом комплексного подхода к решению проблем села.

«Социальная политика партии, Советского государства, – отмечал в своем выступлении Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, – состоит в том, чтобы на базе современной техники и науки все больше сближать характер труда крестьянина и труда рабочего, благоустраивать быт деревни, повышать культуру сельской жизни. Все это практически ведет к постепенному устранению социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством» (Брежнев Л.И., 1976. С. 575).

В этой связи представляется весьма интересным исследование влияния экономических мероприятий, осуществлявшихся партией и правительством на социальное развитие колхозного крестьянства национальных районов нашей страны.

История социальных отношений в Дагестане в исследуемые годы имеет наряду с общими для страны и свои, специфические, местные черты. Прежде всего в исследуемое время в отличие от общей для нашей страны тенденции абсолютная численность сельского населения в Дагестане росла. Сохранялся и высокий удельный вес сельского населения. Так, по данным Всесоюзной переписи, в 1959 г. в Дагестане оно составляло 747,5 тыс. человек (70,4% всего населения), в 1970 г. – 923,7 (64,5%), на 1 января 1977 г. – 969,4 тыс. человек (61,0%) (Народное хозяйство ДАССР. 1977. С. 6).

Колхозы занимали важное место в производстве сельскохозяйственной продукции. В 1965 г. насчитывалось 292,6 тыс. колхозников, а в 1976 г. – 157,1 тыс. (Справка о трудовых ресурсах села. Л. 33).

В республике, как и в других районах страны, часть колхозов преобразовалась в совхозы. Преобразованию подверглись некоторые экономически сильные хозяйства, но главным образом слабые, не способные в короткий срок самостоятельно поднять сельскохозяйственное производство. В Дагестане некоторые районы (Ногайский, Табасаранский, Магарамкентский и др.) не имели колхозов. В целом процесс преобразования колхозов в совхозы получил в

республике большое развитие. Если в 1965 г. в Дагестане насчитывалось 65 совхозов, то в 1971 г. – 189 совхозов (*Искендеров Г.А.*, 1982. С. 99).

В 60–70-е гг. в дагестанском селе благодаря бурному развитию производительных сил и общему подъему культуры в республике произошли значительные культурно-технические изменения. Прежде всего резко вырос уровень образования сельского, в том числе, колхозного населения. Если в 1939 г. грамотных среди сельского населения было 81,2%, то в 1970 г. их стало 99,6% (Советскому Дагестану 50 лет. 1971. С. 196). Уровень грамотности стал примерно равен городскому. Это важный показатель успешного социального развития сельских тружеников Дагестана.

Благодаря помощи промышленно высокоразвитых районов страны сельское хозяйство Дагестана непрерывно оснащалось новой техникой. В 1964 г. в колхозах республики были механизированы, в основном, работы по обработке почвы, севу, уборке многих сельскохозяйственных культур. Если в 1965 г. на один колхоз приходилось 6,6 тракторов, то в 1975 г. – 10,8 тракторов. Увеличилось число механизаторских кадров на селе. Так, на 1 апреля 1965 г. в колхозах и совхозах республики работало 10,8 тыс. механизаторов, а на 1 апреля 1975 г. – 16,7 тыс. (Народное хозяйство ДАССР. 1977. С. 79).

Число механизаторов-колхозников в ДАССР еще уступало числу их в совхозах, но эта разница быстро уменьшалась. Рост прослойки механизаторов существенно влиял на социальное развитие сельских тружеников Дагестана, что свидетельствовало о сближении характера их труда с рабочим классом.

Отличительной чертой структуры занятости в аграрном производстве в условиях социально-экономического развития дагестанского села в 60–70-е гг. являлся ее динамизм. Он проявлялся в интенсивных структурных сдвигах, в основе которых лежал рост производительности общественного труда. В период с 1961 по 1980 гг. производительность общественного труда возросла в сельском хозяйстве Дагестана в 1,7 раза (*Искендеров Г.А.*, 2006. С.60–64).

Быстро росла численность сельской интеллигенции. Если в сельском хозяйстве Дагестана на конец 1964 г. работало 3992 специалиста высшей и средней квалификации, или в среднем 5,7 чел. на один колхоз и совхоз, то в 1970 г. – 5545, или в среднем 10,4 чел. на хозяйство (*Седрединов Н.К.*, 1975). К концу девятой пятилетки количество специалистов сельского хозяйства возросло в 1,6 раз и составило 8,9 тыс. человек, то есть на один колхоз и совхоз приходилось 17 специалистов.

При изучении села мы должны выделить две важнейшие стороны его жизни: производственную и культурно-бытовую. Структура этих сторон определяется, во-первых, производственно-экономической формой связи, во-вторых, демографической, в-третьих, пространственной, в-четвертых, временной. Все эти формы связи объединяются социальными отношениями. Определяющей же является производственно-экономическая форма связи, изменение которой непосредственно или опосредованно вызывает изменения в характере и содержании других форм. Эти формы связи объединяют различные сферы села в единый социальный организм.

Производственно-экономическая форма связи села включает всю систему производственных предприятий, хозяйственно-экономических организаций, учреждений и заведений, расположенных в сельской местности, образующих аграрно-промышленный комплекс (АПК) республики. В АПК Дагестана в 1978 г. входили 189 совхозов, в том числе, 128 из них относились к Министерству сельского хозяйства, 24 – к производственному объединению «Дагвино», 26 – к «Дагконсервтресту» и 11 – к тресту «Скотопрому» (*Искендеров Г.А.*, 1982. С. 100).

На селе уровень технической вооруженности работника был ниже технической вооруженности рабочего. Если на индустриального рабочего в 1970 г. приходилось 7,1 тыс. руб. основных фондов, то на труженика сельского хозяйства 3,2 тыс.; если первый потреблял 18,2 тыс. кВт-ч электроэнергии, то второй – только 813 кВт-ч, между тем как 1 кВт-ч электроэнергии, использованной в производстве, равноценен дню физической работы человека. Соответственно, выше на селе была доля ручного труда, ниже – профессионально-квалифицированный уровень рабочей силы.

Отставание производственно-экономической формы связи села было обусловлено прежде всего тем, что ее преобразование возможно только на базе развитой городской индустрии. Указывая на природные особенности сельского хозяйства, определяющие его фондоемкость, экономисты отмечали, что только благодаря обратному воздействию промышленности сельское хозяйство становится индустриальным и высокопроизводительным оно выходит из стадии мануфактурного развития и обеспечивает высокий жизненный уровень сельских тружеников. На этой стадии

начинается ускоренное развитие сельского хозяйства и, соответственно, идет процесс ликвидации отставания деревни от города во всех сферах.

В рассматриваемые годы наблюдаются более высокие темпы роста материально-технического оснащения сельского хозяйства по сравнению с промышленностью в целом, однако в абсолютном исчислении разрыв в размерах фондовооруженности и энергооснащенности был еще велик.

Преобразование производственно-экономической формы связи села находит отражение в повышении уровня обобществления средств производства, развитии общественных отношений.

Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве, специализация его производств усиливали их взаимозависимость, требовали дальнейшего развития межхозяйственной и межотраслевой кооперации, создания аграрно-промышленных объединений. В конечном счете это вело к созданию единого типа аграрно-промышленного предприятия на селе, к сближению двух форм собственности, к созданию более или менее равномерных в масштабе страны условий сельскохозяйственного и промышленного труда, уровня жизни в городе и селе.

При характеристике уровня жизни сельского населения, его материального благосостояния необходимо обозначить, во-первых, совокупный доход семьи и тенденции его развития; во-вторых, источники доходной части бюджета и динамику изменения их удельного веса; в-третьих, структуру расходной части бюджета с выходом на характеристику быта, питания, одежды и культуры тружеников села. Это позволит унифицировать подход и выявить как общие закономерности, так и местные особенности процесса.

Одной из важнейших закономерностей является неуклонный, несмотря на все трудности внутреннего и внешнего порядка, рост совокупного дохода тружеников села. Это обусловлено всем ходом социально-экономических преобразований и прежде всего развитием и укреплением экономики колхозов и совхозов. В 1932 г. совокупный доход колхозной семьи составлял 2132 руб., а в 1937 г. – 5843 руб. (в денежном выражении тех лет). Если совокупный доход в 1932 г. принять за 100%, то в 1937 г. он составил 274%, в 1953 г. – 485%, в 1963 г. – 766%, или вырос в 7,6 раза. В 1975 г. по сравнению с 1965 г. он увеличился в 1,7 раза (Отчет бюджетной комиссии Совета Министров ДАССР. Л. 44).

Одновременно с общим ростом шло выравнивание размера совокупного дохода как рабочих и колхозников, так и различных групп внутри самого колхозного крестьянства. Менялась и форма получения дохода: сокращалась его натуральная часть и росла денежная. В те годы более 60% дохода составляли деньги. Это оказало существенное влияние на благоустройство сельского быта и рост культуры.

Особый интерес представляет структура совокупного дохода семьи колхозника. Об изменениях дохода (в %) на различных этапах дает представление таблица № 1.

На фоне роста совокупного дохода работающих в колхозе доходы выросли и абсолютно, и относительно. Вместе с зарплатой членов семьи они составляли в 1976 г. 51,7% совокупного дохода. Однако, ограничиться констатацией этого факта недостаточно. Поскольку размеры оплаты труда в колхозе зависят от уровня колхозного производства в целом и каждого колхоза в отдельности, они были различными в разных районах республики и на разных этапах колхозного строительства.

Таблица №1

Совокупный доход колхозной семьи в Дагестане (1940–1976 гг.)*

[*Составлено по материалам: Народное хозяйство ДАССР к 60-летию Октября. С. 273]

Источник дохода	1940 г.	1965 г.	1976 г.
Оплата труда в колхозе	39,7	40,0	43,4
Заработная плата членов семьи	5,8	7,4	8,3
Пенсии, стипендии, пособия и другие выплаты и льготы из общественных фондов потребления	4,9	14,2	20,7
Личное подсобное хозяйство	48,3	36,5	26,3
Прочие	1,3	1,9	1,3

В 60-е гг. были изменены принципы и формы оплаты труда, колхозы перешли на гарантированную ежемесячную оплату в денежной форме по тарифным ставкам. К 1965 г. доля

денежных поступлений уже достигла 73,9% против 20,9% в 1950 г. Оплата одного человекодня выросла с 2,68 руб. до 4,54 руб. в 1975 г., но и в 1972 г., даже при наличии межколхозного фонда оплаты труда, 55% колхозов установили среднемесячную оплату в 60 руб., 42% колхозов – в 40 руб. и 3% – в 70 руб. В 1975 г. средняя месячная оплата труда колхозников составила 91,5 руб. (Отчет отдела оплаты труда МСХ ДАССР. Л. 71).

Все это убедительно говорит о необходимости выяснения не только общих тенденций, но и местных особенностей, без анализа которых невозможно составить объективную картину роста доходов от труда в колхозе, изменения форм оплаты труда, места этой статьи бюджета в совокупном доходе колхозной семьи.

Оплата труда колхозников разных профессионально-квалифицированных групп значительно различалась как по отдельным хозяйствам Дагестана – передовым, средним и слабым, так и по различным зонам.

Вторым важным источником семейного бюджета являлись доходы из государственного и колхозных фондов общественного потребления в виде бесплатного обучения детей и медицинского обслуживания, пенсий, стипендий, пособий, выплат по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, расходов колхозов на культурное обслуживание, подготовку кадров и т.д.

Источниками изучения проблемы социального развития дагестанского села могут служить материалы государственных и местных бюджетов, данные отделов социального обеспечения, до сего времени не изученные дела касс общественной взаимопомощи колхозов и колхозников за 30–40-е гг., годовые отчеты колхозов, статистические сборники.

Анализ материалов показывает, что, хотя колхозники из государственных общественных фондов потребления получали в 70-е гг. наполовину меньше, чем рабочие и служащие, доля этого вида их доходов росла за счет увеличения государственных расходов на развитие здравоохранения и народного образования в сельской местности. Вклад из государственного бюджета в социальное обеспечение колхозников увеличился с 1965 г. до 1975 г. почти в 3 раза. За 1965–1973 гг. 58% всех расходов по этому фонду оплачено за счет государственного бюджета.

Основную часть по этой статье колхозники получали из трех фондов общественного потребления колхозов, размеры которых неуклонно росли. В 1965–1970 гг. в среднем за год отчисления в эти фонды из чистого дохода составили 1,2 млн. руб. Эти средства колхозы расходовали на социальное обеспечение, культурно-бытовые нужды и материальное поощрение (Отчет Министерства сельского хозяйства ДАССР. Л. 37).

С введением новой системы пенсионного обеспечения, приравнявшей колхозников к рабочим и служащим, в 1970 г. все виды пенсии получали 64880 человек на сумму 50,3 млн. рублей (Справка о составе пенсионеров. Л. 41).

Большие средства колхозы расходовали на материальное поощрение. В колхозах Дагестана, например, в 1970 г. они составили 428,4 руб., а в 1974 г. – 469,5 руб. на человека.

Более чем в 2 раза за 1965–1974 гг. выросли расходы колхозов на культурно-бытовые нужды. В 1970 г. бюджет учреждений Министерства культуры Дагестанской АССР составлял около 7,5 млн. руб., а в 1979 г. – свыше 11 млн. руб. В течении 1960–1980 гг. в сельской местности было построено 212 новых клубных учреждений по типовым проектам. В среднем на каждого члена колхоза был израсходован 51 руб., что убедительно свидетельствует о возрастающем значении фондов общественного потребления в обеспечении материального благосостояния колхозников.

Третьей статьей дохода являлось личное подсобное хозяйство тружеников села. Оно на всех исторических этапах играло важную роль в экономике сельской семьи. Следует отметить, что в конце 60-х гг. для многих жителей дагестанского села личные подсобные хозяйства стали немаловажным источником доходов семьи.

Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) выполняли несколько основных функций:

– восполняли производство таких продуктов, которые нецелесообразно или невозможно производить при помощи индустриальных специализированных технологий в условиях крупного производства;

– позволяли за счет своевременности и высокого качества сельскохозяйственных работ получать в большом количестве и более высокого качества продукцию с единицы площади или головы продуктивного скота;

– предоопределяли более оперативную реализацию малыми партиями свежей, скоропортящейся продукции;

- благодаря своим малым размерам и возможностям создавали большую устойчивость к погодным условиям;
- удовлетворяли потребности городского и сельского населения и своей семьи в продуктах питания;
- осуществляли трудовое воспитание подрастающего поколения, самозанятость населения, стабилизирующую миграцию в города;
- выполняли социальный контроль над территорией и сохранение сельского образа жизни и сельской культуры.

Под воздействием социально-экономических условий и экономической политики государства личное подсобное хозяйство постепенно утрачивало свое первоначальное значение, хотя с конца 60-х – начала 70-х гг. оно не сокращалось. В течение 14 лет (1958–1972 гг.) его удельный вес снизился с 52,7 до 36,7%, а объем возрос только на 15,5%, тогда как в общественном хозяйстве валовая продукция увеличилась в 2,3 раза, а удельный вес в производстве сельскохозяйственной продукции повысился с 46,3 до 63,3%. Доля личного подсобного хозяйства была ниже в валовой продукции растениеводства и выше в валовой продукции животноводства. В 70-е гг. она быстро снижалась. За период с 1960 по 1972 г. удельный вес личного хозяйства в производстве продукции животноводства уменьшился с 60 до 41%, растениеводства – с 37 до 32% (см. Табл. 2).

Если вычесть из стоимости продуктов животноводства, произведенных в личном подсобном хозяйстве, стоимость кормов, полученных бесплатно или на льготных условиях из общественного хозяйства, то удельный вес продукции личного хозяйства и валовой продукции всего сельского хозяйства существенно снизится.

Таблица № 2

**Изменение удельного веса личного подсобного хозяйства
в сельскохозяйственном производстве ДАССР***
[*Отчет Министерства сельского хозяйства. Л. 26]

Показатели	Годы				
	1960	1965	1970	1971	1973
Посевная площадь	9,1	8,3	8,4	8,3	8,0
Поголовье скота (в переводе на крупный рогатый скот на конец года)	42,5	36,7	28,1	26,0	25,0
Производство важнейших продуктов сельского хозяйства:					
зерно	3,8	1,6	1,4	1,3	1,0
Картофель	56,4	56,7	53,8	49,1	48,3
Мясо	56,0	52,8	37,3	35,7	34,9
Молоко	56,5	47,2	41,4	40,6	39,2
Яйца	91,4	80,7	70,2	62,4	56,4

В 1970-е гг. особенно заметно снизилась роль личного подсобного хозяйства в производстве мяса, молока и яиц. Зато данные по продаже молодняка крупного рогатого скота свидетельствуют о значительном удельном весе личного подсобного хозяйства. Многие колхозники и рабочие совхозов в течение года выращивали, а осенью продавали телят на мясокомбинаты по очень выгодным для себя ценам. При существующей цене на скот выгоднее было продать живой скот и купить мясо в магазине.

Социально-экономическая сущность, характер личного подсобного хозяйства раскрываются только через анализ связи его с обобществленным производством. Личное хозяйство не образует самостоятельного уклада или сектора социалистического производства. Оно было подчинено и тесно взаимосвязано с общенародной и колхозно-кооперативной формами собственности. Земля предоставлялась не непосредственно государством, а колхозом или совхозом. Право ведения личного хозяйства на колхозной или совхозной земле обуславливалось обязанностью трудиться в общественном хозяйстве. Личное хозяйство экономически было связано с общественным и тем, что получало на льготных условиях или бесплатно от общественного хозяйства

сельскохозяйственную технику, тягловую силу, транспорт, корма, строительные материалы, ветеринарную помощь и другие услуги.

Личное хозяйство, будучи зависимым от общественного, в свою очередь оказывало на него влияние. Это выражалось в том, что личное подсобное хозяйство использовалось как материальный стимул к труду в общественном производстве (размер приусадебного участка зависел от трудового участия членов семьи в общественном хозяйстве). Часть продукции подсобных хозяйств выступала в качестве средств производства в воспроизводственный процесс в общественном производстве (молодняк крупного рогатого скота). Общественное и личное подсобное хозяйства совместно участвовали в воспроизводстве рабочей силы. Поэтому личное подсобное хозяйство было лишено возможности перерасти в самостоятельное частное производство, оно дополняло обобщественное производство.

Существование личного подсобного хозяйства объективно необходимо и экономически оправдано, поскольку общественное производство еще не достигло такого уровня развития, при котором возможна полная его замена общественным. Личное хозяйство, выступая как особая часть сельского и всего социалистического хозяйства, не являлось непосредственно обобщественным, выполняло важные общественные функции. Без особых капитальных вложений оно производило значительное количество сельскохозяйственной продукции. Личное хозяйство способствовало вовлечению в сферу производства большого количества трудовых ресурсов, которые не могли быть использованы в общественном хозяйстве. Личная функция подсобного хозяйства имела и общественное содержание, поскольку получаемые от него доходы являлись одним из условий воспроизводства рабочей силы, а процесс воспроизводства рабочей силы есть одна из сторон совокупного процесса общественного воспроизводства.

Сельскохозяйственное производство страны в 70-е гг., в том числе и Дагестана, опиралось на общественные хозяйства, являющиеся основными производителями сельскохозяйственной продукции. Всемерное развитие общественного производства на селе рассматривалось как магистральное направление. А всяческое содействие его развитию было возведено в ранг незыблемой государственной политики. Вместе с тем различные виды индивидуального производства, ведение личных хозяйств, сохранение в производстве ряда трудоемкой продукции, занимавшей в нем довольно заметное место, подвергались различным ограничениям. В народе насаждалось неверие в будущее индивидуального сектора, обреченного, как считалось, на отмирание, сроки которого в различные периоды и в зависимости от воли различных партийных лидеров связывались с ближайшей перспективой или отодвигались на более поздние сроки.

Однако, прогнозы о неперспективности подсобных хозяйств не подтвердились, более того, практика убеждала в другом. В силу того, что совхозы и колхозы, несмотря на значительные государственные дотации, не могли полностью удовлетворить потребности населения в продуктах сельского хозяйства, приходилось соглашаться с существованием личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих, развивать и другие формы таких хозяйств как дополнительный источник производства сельскохозяйственной продукции.

Все это вынуждало принимать меры, направленные на снятие ограничений, установленных на пути развития личных подсобных хозяйств. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении необоснованных ограничений личного подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих», принятое в октябре 1964 г. (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. С. 57) и решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС сняли многие ранее введенные ограничения на ведение подсобных хозяйств, особенно, в сельской местности. В частности, были сняты ограничения на содержание скота в личных хозяйствах, а его количество регламентировалось с учетом национальных особенностей и местных условий. Колхозникам и рабочим совхозов разрешалось предоставлять в пользование участки земли в размере 0,50 га (на поливных землях – до 0,20 га) под огород, сад и строительство дома.

Принятые меры не замедлили сказаться на положении личных подсобных хозяйств. В 1960–1965-е гг. личные подсобные хозяйства колхозников, рабочих и служащих производили в среднем за год 32,6% всей валовой продукции сельского хозяйства республики (Справка Министерства сельского хозяйства. Л. 59).

Вместе с тем, какие-то ограничения на ведение подсобного хозяйства, его допустимые рамки и масштабы деятельности продолжали существовать. Общественное мнение, находясь под влиянием многолетней практики осуждения тех, кто был занят в подсобном хозяйстве, придавало их деятельности антиобщественный характер. Не случайно в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 января 1981 г. «О дополнительных мерах по увеличению производства

сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан» говорилось о необходимости создания такого общественного климата, «при котором колхозники, рабочие служащие и другие граждане, ощущали бы, что, выращивая в личном подсобном хозяйстве скот и птицу, занимаясь огородничеством и садоводством, они делают полезное, государственное дело» (КПСС в резолюциях и решениях ... 1981. С. 38).

Такие решения, часто не подкрепляемые соответствующей материальной и финансовой поддержкой, по сути мало что меняли в экономическом положении подсобных хозяйств, в отношении к ним со стороны общества. Основными же производителями сельскохозяйственной продукции, по-прежнему, оставались общественные хозяйства, которые, при необходимой самостоятельности и свободе действий, наверное, смогли бы производить значительно больше продукции и тем способствовать решению продовольственной проблемы в стране.

В 1971–1975 гг., в условиях командно-административных методов управления, колхозы и совхозы Дагестана производили в среднем за год продукции более чем на 318 млн. руб., или более 60% всей валовой продукции сельского хозяйства республики. В те годы в подсобных хозяйствах производилось сельскохозяйственной продукции более чем на 165 млн. рублей.

В животноводстве, где преобладал ручной труд, соотношение было в пользу подсобных хозяйств. В среднем за год в них производилось продуктов животноводства почти на 134 млн. рублей. И в стране, и в Дагестане общественные хозяйства наиболее эффективными и продуктивными оказались в производстве продукции земледелия. В Дагестане, например, общественные хозяйства в среднем за год производили сельскохозяйственных продуктов на 182,8 млн. рублей, в то время как подсобные хозяйства давали их на сумму в 31,4 млн. рублей (Справка Министерства сельского хозяйства. Л. 52).

Однако, такое одностороннее соотношение валовой продукции сельского хозяйства, производимой общественными и подсобными хозяйствами, мало о чем говорит. Чтобы убедиться в том, каких огромных усилий требовалось от всех, кто был занят в подсобном хозяйстве для производства сельскохозяйственной продукции в таких масштабах, надо выяснить, сколько средств производства приходилось на их долю, разобраться в том балансе сил и средств, которые стояли за этими секторами.

Фактически, не имея никакой техники и владея лишь 49 тыс. га земли, из них 40, 1 тыс. га пашни, подсобные хозяйства в 1971 г. содержали 368,1 тыс. голов крупного рогатого скота (из них 158,8 тыс. коров), 6,9 тыс. свиней, 963,8 тыс. овец и 97,9 тыс. коз, производили овощи, фрукты и другие продукты сельского хозяйства. Для сравнения можно указать, что общественные хозяйства, располагая 2897, 7 тыс. га сельскохозяйственных угодий и, имея сравнительно высокую материально-техническую базу, содержали 306,2 тыс. голов крупного рогатого скота (в том числе 91,8 тыс. коров), 31,6 тыс. свиней, овец – 1949,6 тыс. и коз – 52,4 тыс. (Материалы к отчету правительства. Л. 17).

Подсобные хозяйства имели возможности для использования и обработки значительно большего количества сельскохозяйственных угодий и, соответственно, для содержания большего поголовья скота. Однако, существующие жесткие ограничения на землепользование, а также запреты на продажу сельскохозяйственных машин частным лицам, не позволяли им расширять не только земельные площади, но и количество поголовья скота даже после снятия ограничений на их содержание на личном подворье. Более того, многие советские, хозяйственные органы, ссылаясь на нехватку земель, не обеспечивали всех желающих земельными наделами даже в тех строго ограниченных нормах, которые были установлены соответствующими нормативными актами для выделения сельским и городским жителям.

В силу этих и других причин основным источником средств существования сельского населения оставались общественные хозяйства, а роль подсобных хозяйств для многих сводилась к дополнительному источнику пополнения семейного бюджета. Из числа 961022 человека сельского населения (данные на 1970 г.) к занятому населению относились 326675 человек. Из них работающих на предприятиях, в учреждениях, расположенных в районах и обслуживающих сельское население, было 199386 человек, в колхозах – 124246 человек. И лишь для 15311 человек источником средств существования служило занятие в личном хозяйстве.

Рассматривая распределение сельского населения по источникам средств существования, можно отметить высокий процент лиц, получавших пенсии и находившихся на государственном обеспечении. Таких насчитывалось свыше 93 тыс. человек. Самая большая категория числилась в группе, отнесенных к иждивенцам отдельных лиц. Их было около 507 тыс. человек. Надо полагать, в этой группе среди трудоспособного возраста было немало людей, не имеющих работы,

но за этой удобной формой скрывалась существовавшая безработица (Османов А.И., Искендеров Г.А., 1997. С. 110).

Сравнение продукции, произведенной общественными и частными хозяйствами, показывает, что последним удавалось меньшим числом занятых в них лиц производить больше продукции, чем общественным хозяйствам. В то же время, вовлекая в производство не всегда активную часть населения, а также женщин и подростков, подсобные хозяйства производили продукцию, которую отказывались производить общественные хозяйства в силу ее трудоемкости и необходимости применения малопривлекательного ручного труда.

Изучение этих процессов надо вести с учетом местных условий и особенностей, раскрывая не только роль личного подсобного хозяйства в доходах сельской семьи, но и его социально-экономическую природу, факторы, влияющие на его динамику, связь с колхозным, совхозным производством и рынком, его положительные и негативные стороны.

Большую роль в социальных сдвигах среди колхозного крестьянства играет всемерное развертывание на селе культурно-просветительской работы. В сельской местности Дагестана быстро растет сеть культурно-просветительских учреждений: клубов, библиотек и др., увеличивается общественный книжный фонд, качество культпросветработы. Так, только за 1970–1976 гг. число библиотек в сельской местности ДАССР увеличилось с 682 до 786, а количество книг и журналов в них – с 4257 до 4952 тыс. В 1975 г. на селе функционировало 1042 клуба и 870 киноустановок (Тагиров И.Г., 1976. С. 3).

Для осуществления программы экономического и социального развития села Дагестана в республике проводилась большая работа по переселению сельского населения в крупные поселки, имеющие необходимые природно-географические и хозяйственные возможности для эффективного развития. Новые укрупненные поселения, сосредотачивая в себе значительные материальные и трудовые ресурсы, успешнее решали задачи экономического и социального подъема сельского населения. Так, например, за период с 1952 по 1970 г. из горных на равнинные районы республики было переселено 31609 хозяйств с населением 150 тыс. человек. Всего за годы седьмой и восьмой пятилеток на селе силами колхозов и сельского населения было построено жилой полезной площади 1628,5 тыс. м², а в годы девятой пятилетки – больше одного миллиона (Искендеров Г.А., 1977. С. 2).

В процессе расселения и переселения населенных пунктов в колхозах и совхозах складывались и развивались большие многонациональные коллективы тружеников села.

К сожалению, приходится признать, что быт и культура сельских тружеников во всем объеме этих понятий историками исследуется мало. Наличие ряда интересных и фундаментальных этнографических трудов по проблемам семьи и быта тружеников села не освобождает историков от изучения таких вопросов, как жилищное строительство, организация медицинского и бытового обслуживания сельского населения, развитие торговли и др., которые остаются еще белым пятном в историко-социологическом исследовании сельского населения.

Между тем в архивах, в статистических сборниках, в периодической печати, в частности, в таких журналах, как «Быт и обслуживание», «Советская торговля», «Потребительская кооперация», «Сельский строитель», «Советское здравоохранение», «Сельская новь» и др. имеется богатый статистический и фактический материал, позволяющий проследить глубокие качественные и количественные сдвиги в социально-культурной жизни села.

Однако, следует отметить и то, что прикрепляя колхозников и сельскохозяйственных рабочих к земле и обрекая их на тяжелый труд и слабые культурно-бытовые условия, государство заботилось прежде всего о благосостоянии всего народа, однако оно не могло быть достигнуто такой ценой. Советской государство черпало продовольственные, сырьевые и трудовые ресурсы из аграрного сектора, лишая его и своего покровительства и поддержки. Так сложилось в государственной политике, что село было обязано содержать город и почти всегда в ущерб себе.

Попытка выйти из кризиса в аграрном секторе экономики на рубеже XX–XXI вв. путем создания фермерских хозяйств удается немногим сельским жителям. Большинство бывших колхозников и сельскохозяйственных рабочих не видят реальных перспектив в развитии своих подсобных хозяйств и лучшей жизни, как и много лет назад. Реальные условия перестройки последних лет убеждают сельских тружеников в скоропалительности, непродуманности решений аграрных проблем, создании новых трудностей. Сегодня проблема экономического и социального развития дагестанского села очень актуальна. В обществе должно возобладать уважение к сельскому труженику, работающему на земле.

ЛИТЕРАТУРА

- Брежнев Л.И.* Речи и статьи. Т. 2. М., 1970. 575 с.
- Искендеров Г.А.* История совхозного строительства в Дагестане (1920–1980 гг.). М., 1982. 100 с.
- Искендеров Г.А.* История совхозного строительства в Дагестане (1920–1980 гг.). М., 1980. С. 98.
- Искендеров Г.А.* Лицом к селу // Дагестанская правда. 1977. 6 марта.
- Искендеров Г.А.* Динамика занятости сельского населения Дагестана в 60–70-е гг. XX века // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2005. № 3(7). С. 60–64.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1981. Т. 13. изд. 9-е. М. Материалы к отчету правительства // ЦГА РД. Ф. 168-р. Оп. 62. Д. 53.
- Народное хозяйство Дагестанской АССР в девятой пятилетке. Махачкала, 1977. С. 54.
- Народное хозяйство Дагестанской АССР в девятой пятилетке. Стат. сб. Махачкала, 1977. С. 112.
- Народное хозяйство Дагестанской АССР к 60-летию Октября. Махачкала, 1977. С. 62.
- Османов А.И., Искендеров Г.А.* Дагестанское село: экономика, культура, социальная инфраструктура (70–80-е годы XX века). Махачкала, 1997. С. 252.
- Отчет Бюджетной комиссии Совета Министров ДАССР//ЦГАРД Ф. 168-р. Оп. 56. Д. 17.
- Отчет Министерства сельского хозяйства ДАССР//ЦГАРД Ф. р-22. Оп. 41. Д. 371.
- Отчет Министерства сельского хозяйства ДАССР//ЦГАРД Ф. 168-р. Оп. 58. Д. 24.
- Отчет Отдела оплаты труда МСХ ДАССР // ЦГА РД. Ф. 127-р. Оп. 86. Д. 72.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. М., 1968. С. 214–216.
- Россия в XX веке. Реформы и революции. М., 2002. С. 103.
- Седрединов Н.К.* Кадры сельхозпредприятий в республике // Дагестанская правда. Апрель. 1975. 14 февраля.
- Советскому Дагестану 50 лет. Махачкала, 1971. С. 61.
- Справка Министерства сельского хозяйства // ЦГА РД. Ф. 260-р. Оп. 16. Д. 24.
- Справка о составе пенсионеров // ЦГА РД. Ф. 127-р. Оп. 82. Д. 53.
- Справка о трудовых ресурсах села // ЦГА РД. Ф. 127-р. Оп. 81. Д. 94.
- Справка об эффективности сельхозпредприятий // ЦГА РД. Ф. 168-р. Оп. 61. Д. 14.
- Тагиров И.Г.* Высокий уровень культуры села // Дагестанская правда. 1976. 9 января.